

«Мы никак не могли понять, почему вдруг сбежали наши хозяева...» (военнопленные на территории Казанской губернии в 1917 г.)

Л. Р. Габдрафикова,

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация*

“We could not understand why our masters had suddenly escaped...” (prisoners of war in the territory of Kazan province in 1917)

Liliya R. Gabdrāfikova,

*Sh. Mardzhani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, the Republic of Tatarstan, the Russian Federation*

Аннотация

В статье рассматривается положение военнопленных на территории Казанской губернии в 1914-1918 гг. История регионов России в условиях Первой мировой войны до сих пор остается недостаточно изученной. Новый импульс эти исследования получили в связи с проведением памятных мероприятий к 100-летию начала Первой мировой войны. Логическим продолжением Великой войны являются революции 1917 г., поэтому новое осмысление этого эпохального явления на региональных материалах представляется актуальной научной задачей. Постановка новых научных проблем и расширение источниковой базы открывает сложную картину жизни населения Казанской губернии в годы Первой мировой войны и революций. Изменилась демографическая ситуация в регионе, появились новые социальные группы населения. Этот период истории сыграл определяющую роль в развитии региона. В годы войны и революций население губернии вплотную столкнулось с вопросами межнационального и межконфессионального взаимодействия. Одной из новых социальных групп военного времени являлись пленные офицеры и солдаты, содержащиеся в Казанской губернии. Новизна исследования состоит в том, что впервые представлен комплексный анализ повседневной жизни военнопленных. В представленной статье рассматриваются условия проживания, состояние здоровья, трудовая занятость, взаимодействие военнопленных с местным населением. Исследование проводилось на базе архивных документов Национального архива Республики Татарстан и Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан. Впервые в научный оборот вводятся воспоминания бывших пленных солдат. Основное внимание уделяется революционному периоду 1917 г. Автор приходит к выводу, что военнопленные оказались заложниками сложившейся ситуации: они столкнулись с ростом цен и дефицитом, ухудшением отношения населения, оказались в центре аграрных беспорядков и рабочих забастовок. Поэтому массовым явлением стало бегство военнопленных, особенно после октября 1917 г. До создания Казанской губернской коллегии о пленных и беженцах положение военнопленных оставалось нестабильным.

Abstract

The article considers the status of prisoners of war in Kazan province in 1914-1918. The history of Russia's regions under the conditions of the World War I has not been sufficiently studied yet. The studies gained a new impetus in connection with the commemoration of the 100th anniversary of the outbreak of the World War I. The logical continuation of the Great War was the revolutions of 1917. So, a new interpretation of this epoch-making occurrence based on regional materials is a relevant research task. Setting of new scientific problems and expansion of the source base reveals a complex picture of the life of the population in Kazan province during the First World War and the revolutions. The demographic situation in the region changed and new social groups appeared. This period of history played a decisive role in the development of the region. During the years of war and revolutions the population of the province faced the problems of interethnic and inter-confessional interaction. One of the new social groups during the war period was the prisoner officers and soldiers kept in Kazan province. The novelty of the research is in the fact that the comprehensive analysis of the daily life of prisoners of war has been represented for the first time. The article considers their living conditions, health status, employment and interaction of prisoners with the local population. The research has been carried out on the basis of the documents of National Archive of the Republic of Tatarstan and the Central State Archive of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan. The reminiscences of prisoner soldiers have been introduced for scientific use for the first time. The author focuses on the revolutionary period of 1917. The author comes to the conclusion that prisoners of war were the hostages of the situation: they faced rising prices and a deficit, worsening of the population's attitude towards them and were at the center of agrarian riots and workers' strikes. The escape of prisoners of war was a mass occasion, especially after October 1917. Until May 1918, before the creation of the Kazan provincial collegium on prisoners and refugees, the status of prisoners of war had remained unstable.

Ключевые слова

Казанская губерния, Казанский военный округ, февральская революция, революции 1917 года, история повседневности, Австро-Венгрия, Германия, Османская империя.

Keywords

Kazan province, Kazan military district, the February revolution, the revolutions of 1917, everyday life history, Austro-Hungary, Germany, the Ottoman Empire.

Первую мировую войну от всех предыдущих военных кампаний отличали невероятные масштабы пленения. За все годы военных действий в плену оказалось восемь миллионов военнослужащих и более 200 тысяч гражданских лиц. Из рядов российской армии попали в неволю 2 млн 417 тысяч солдат и офицеров¹. В свою очередь, во всех тыловых регионах России проживали военнопленные офицеры и солдаты. По данным на 1 января 1916 г. в Казанском военном округе содержалось 95 213 военнопленных².

В Казанской губернии находились в основном бывшие военнослужащие австро-венгерской и германской армий. Военнопленных-турок на территории Казанской губернии практически не было. Очевидно, опасаясь так называемого «панисламизма», власти старались селить бывших солдат османского султана подальше от российских мусульман. Много турецких военнопленных, как из числа

офицеров, так и солдат, находилось в Иркутском военном округе. В Казанской губернии они находились, в основном, временно, в местных госпиталях.

Военнопленные в Казанской губернии появились уже в первые недели войны. 10 августа 1914 г. в губернский центр были доставлены 908 пленных солдат германской армии. В 1916 г. на территории губернии насчитывалось 8 855 военнопленных, из них 2 725 человек были заняты на сельскохозяйственных работах. Особенно много бывших солдат из лагеря противника проживали в Чистополе (2 403) и на Паратском заводе близ Свияжска (2 708), далее шли города Казань (754), Лаишев (679), Спасск (646). Меньше всего военнопленных было в таких уездных центрах как Царевококшайск (43) и Козмодемьянск (15)³. Большая группа военнопленных прибыла в Казанскую губернию в конце 1916 г. из Средней Азии. В Троицком лагере недалеко от Ташкента началась эпидемия малярии и по рекомендации Международной комиссии Красного Креста военнопленных отправили в Поволжье и Сибирь. При распределении пленных солдат по другим лагерям их старались делить по этнической принадлежности. Например, славян направляли в Поволжье. «Многие венгры и австрийцы знали чешский, словацкий и кроатский (хорватский. – Л. Г.) языки, таким образом попали в эвакуацию в Поволжье в первую очередь. Характерно, что никто из славян не выдавали венгров и австрийцев, приписавшихся к славянам. Это удавалось потому, что у чехов много фамилий немецких, а у словаков венгерских», – вспоминал бывший военнопленный Жебровский Эдмунд Станиславович, поляк из Австро-Венгрии⁴. Судя по всему, после прибытия большой группы военнопленных славянского происхождения в начале января 1917 г. последовали указания казанского губернатора П. М. Боярского земским и городским управам о необходимости замены пленных «эльзас-лотарингцев» на пленных других национальностей. Хозяева должны были освободить от работ военнопленных-немцев и вернуть их в местное военное ведомство. Циркуляр губернатора был основан на распоряжении Главного управления Генерального штаба⁵. Но планы по созданию этнических лагерей военнопленных не были реализованы из-за новой политической ситуации в стране.

Военнопленные подразделялись на офицеров и солдат. Условия содержания нижних чинов были значительно хуже. Для солдат всегда находились трудовые задания, вроде сельскохозяйственных, фабрично-заводских и строительных работ, а также ремесленных занятий. Поэтому они трудились на самых разных предприятиях и в учреждениях. Так, в конце 1916 г. штаб Казанского военного округа разрешил военнопленному Фрацису Немец работать в Казанской художественной школе в должности формовщика. Школа предлагала пленному и жилье, но власти запретили ему пользование служебной квартирой⁶.

В Казани военнопленных привлекали к работе крупные промышленные предприятия. Например, в Торгово-промышленном обществе Алафузовских фабрик и заводов в 1916 г. трудился 501 бывший солдат австро-венгерской и германской армий. Всех их перевели в губернский центр из г. Тетюши, именно туда они были вначале определены местными властями⁷.

Также военнопленные трудились на заводе Крестовниковых и на различных кожевенных предприятиях Четвергова, Шабанова и Готлициера. Жебровский вспоминал, как его будущий работодатель Илья Готлициер, владелец кожевенного завода в Адмиралтейской слободе, пришел к ним в сопровождении

солдат-конвоиров. «Видимо, ему было разрешено выбирать себе людей по своему усмотрению. Этот пожилой юркий человек с места в карьер приступил к подбору людей, начал присматриваться к людям и приступил к допросу на немецком языке, – писал он. – Готлицер отобрал 40 человек самых сильных, плечистых. Четыре конвойных солдата нас привели во двор кожевенного завода Готлицера. Дело было к вечеру, нас поместили в бараке с грязными, никогда не мытыми полами. В бараке было уже около сорока пленных и 10 человек русских рабочих-сезонников»⁸. Неудовлетворительные условия содержания пленных военных признавались всеми, в том числе и сторонними наблюдателями. Например, «у некоторых офицеров и интеллигентных нижних чинов – военнопленных, живущих на заводе Петцольда, ведутся дневники для того, чтобы по возвращении на родину опубликовать, как плохо жилось в плену», – сообщал тайный агент представителям Казанской губернской жандармерии 31 августа 1915 г.⁹ Но такие заявления побуждали не к улучшению условий содержания рабочих-военнопленных, а являлись причиной усиления надзора за ними.

Жизнь военнопленных из нижних чинов была немного другой. Они постоянно работали, да и условия их проживания порой были антисанитарными. «Несмотря на сильные морозы, двери нашего погреба никогда не запирались, ибо это был источник свежего воздуха и света», – писал Э. Жебровский о лагере в Адмиралтейской слободе¹⁰.

В уездных городах, за неимением крупных промышленных объектов, военнопленных направляли чаще всего на работы, организованные земскими и городскими управами, а также находились в распоряжении местного военного ведомства. Например, в Мамадыше пленные солдаты участвовали в строительстве водопровода¹¹. Кроме того, военнопленные раз в неделю, по четвергам убирали площадь после базара. Занимались благоустройством дорог. 232 человека были направлены на строительство железной дороги Казань – Екатеринбург. Всего же, по данным на 15 февраля 1917 г. в Мамадыше проживало 398 военнопленных¹².

Занятия в уездах не отличались большим разнообразием. Например, по данным на январь 1917 г. в Козмодемьянском, Цивильском, Ядринском уездах пленные солдаты в основном были заняты на лесных работах. В местных лесничествах уездов трудились по 400-500 человек. В Лаишевском, Свияжском и Тетюшском уездах военнопленных чаще всего привлекали в помещичьи хозяйства¹³. В целом, в Казанском военном округе 70% военнопленных были заняты на сельскохозяйственных и лесных работах¹⁴.

Среди солдат много было больных. У большинства военнопленных, содержащихся в госпиталях, имелись огнестрельные и сквозные пулевые ранения разной степени тяжести¹⁵. Нередко они давали дополнительные осложнения. Инвалидов, например, после ампутации ног, отправляли в Москву¹⁶, оттуда они могли быть направлены домой. Пленные тяжело переносили непривычные для них климатические условия, инфекционные заболевания. Среди военнопленных очень высокой была смертность¹⁷. «Больных и совершенно к труду неспособных военнопленных нередко оказывается около 15% и даже до 50%», – говорилось в циркуляре казанского губернатора П. М. Боярского земским и городским управам Казанской губернии от 24 января 1917 г. По требованию Военного министерства планировалось установление обязательного порядка приема и сдачи командированных на работы военнопленных. Лицо, принимавшее на работу, должно

было произвести медицинский осмотр и при обнаружении неудовлетворительного состояния здоровья, составить акт на больных военнопленных, «с указанием причины отказа в принятии таких военнопленных»¹⁸.

В маленьких населенных пунктах, где содержались пленные офицеры, не было трудовых занятий, соответствующих их гражданской профессиональной квалификации. Например, в уездном Царевококшайске на конец 1915 г. проживало 27 офицеров и 16 нижних чинов австрийской армии, последние часто являлись денщиками при офицерах. В феврале 1918 г. в городе было уже 90 офицеров и 28 солдат. Из-за отсутствия работы они постоянно гуляли по городу. В конце концов, местные власти решили, если военнопленный «праздно шатается без конвоя», то его необходимо задерживать¹⁹.

Свободная жизнь пленных офицеров порой вызывала раздражение местных жителей. «Прибывшие в Казань военнопленные австрийские офицеры из Перемышля чувствуют себя очень хорошо; денег у них очень много, так как за непродолжительностью пребывания в Казани (2-3 дня) они разменяли на русские деньги свыше 40 тысяч крон, – докладывал один из тайных агентов казанской жандармерии 31 марта 1915 г. – Очень многие из них приобрели фотографические аппараты и пленки к ним, имея в виду сделать в России много снимков»²⁰.

Между местным населением и бывшими военнослужащими вражеского лагеря возникали контакты различного характера. Так, к немецким и австрийским солдатам местные жители обращались при необходимости получения знаний немецкого языка. Иногда они помогали подписывать адреса на письмах и посылках, предназначенных российским военнопленным в Германии и Австро-Венгрии²¹. Хотя такое взаимодействие не приветствовалось. В октябре 1916 г. была уволена с работы телефонистка Чистопольской телефонной станции, 16-летняя Варвара Гаврилова. Причиной увольнения были ее «письменные сношения с военнопленным офицером австрийской армии Гродзицким». У телефонистки нашли почтовую карточку, полученную от офицера с надписью «на память»²². Тем не менее, некоторые контакты приводили даже к семейным союзам²³. Например, Жебровский называл своей женой Щербакову Александру Васильевну, работницу Алафузовских заводов. К слову, она жила недалеко от завода Готлицера, где трудился военнопленный поляк²⁴.

Отношение местного населения к плену в целом и вражескому лагерю пытались регулировать с помощью инструментов пропаганды. Издавались специальные приказы, где описывалось зверское обращение германцев или австро-венгров с русскими военнопленными²⁵. Эти документы часто создавались на основе рассказов бывших военнопленных. В апреле 1916 г. уездные исправники Казанской губернии занимались сбором такой информации, где отмечались плохие условия содержания военнопленных, побои, тяжелая работа²⁶. Выходили брошюры о положении российских военнопленных в Австро-Венгрии и Германии, в том числе на языках народов России. Например, в 1917 г. в Казани была издана брошюра «О жизни русских пленных в Германии и Австрии» на марийском языке. О положении российских военнопленных гражданское население узнавало и из листовок благотворительных организаций.

С самого начала войны наблюдалось особое отношение к пленным славянского происхождения. 30 октября 1914 г. было создано Всероссийское попечительство о пленных славянах²⁷. Однако заботы попечительства коснулись, главным образом,

свободного времяпрепровождения славян. На территории Казанской губернии действовало Общество чешско-славянского единения. Еще до революции, в феврале 1917 г. они получили разрешение на распространение среди пленных славян издаваемой обществом еженедельной газеты «Славянский вестник»²⁸. 30 июня 1917 г. Всероссийским попечительством о пленных славянах были приняты «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов и словаков на территории Европейской части России». Но изменения охватывали, в основном, культурно-образовательную сферу жизни пленных. Им разрешали читать газеты, посещать курсы русского языка, участвовать в богослужениях военнопленных²⁹. Неизвестно, насколько были популярны эти мероприятия среди пленных солдат Казанской губернии. Но надо отметить, что большинство бежавших военнопленных хорошо владели русским языком.

Если культурные права пленных славян опекались отдельно, то немного сложнее обстояло дело с их религиозными потребностями. Особенно, когда они принадлежали к католической или протестантской церкви. Например, в феврале 1916 г. курат казанского костёла В. Францкевич писал о том, что уездные ксёндзы не могут вести пастырскую деятельность среди военнопленных и интернированных из-за ограничений со стороны местных властей. В ходе проверки выяснилось, что препятствия исходили в первую очередь от военных, охранявших пленных солдат³⁰.

На промышленных и сельскохозяйственных работах военнопленные проявляли себя по-разному. Безусловно, в 1917 г. они видели разложение системы управления и реагировали на это по-своему: в этот период значительно ослабла дисциплина среди них. Еще до революции некоторые военнопленные проявляли недовольство и устраивали саботаж³¹. В 1917 г. протестные настроения среди них усилились. Они высказывали недовольство надзирателям. Например, в 1917 г. администрация Алафузовских предприятий просила у городских властей специальной охраны для пленных солдат³². Летом 1917 г. на имя казанского губернского комиссара В. Чернышева поступила жалоба от владельца ассенизационного обоза г. Казани Богаткина. Его поддержали и другие предприниматели, жаловавшиеся на «незаконмерные действия и несообразные требования» работавших на городских предприятиях военнопленных³³.

Поведение военнопленных отражало общий кризис в стране, наступившая революция усилила их протестные настроения. После февраля 1917 г. работавшие военнопленные включились в профсоюзное движение, что отразилось на их взаимоотношениях с работодателями. В 1917 г. военнопленный Э. С. Жебровский стал секретарем фабрично-заводского комитета кожевенного завода И. Готлициера. Таким образом, бывшие солдаты вражеских стран начали представлять альтернативную администрацию завода.

В это время в Казани образовался комитет военнопленных социал-демократов интернационалистов. Его председателем стал венгр Арнольд Гофман, членами комитета были Жебровский, Гандшух, Бонди, Апати, Динда и другие³⁴. Со временем в составе комитета стали появляться военнопленные из других городов. Советы вместе с интернациональными подразделениями отстаивали собственные интересы, порой сильно отличавшиеся от основной линии внутренней политики государства. В то время как официальные органы власти пытались разграничить граждан России и подданных других государств, в том числе военнопленных,

Советы требовали одинаковых условий, прежде всего оплаты труда для рабочих и военнопленных. Например, согласно циркуляру Военного министерства Временного правительства от 4 августа 1917 г., пленные рабочие могли получать от 20 до 50 копеек за рабочий день. Остальная часть дохода должна была направляться в казну. Это решение очень возмутило рабочие секции Советов³⁵.

В 1917 г. условия содержания и материальное положение военнопленных на территории России оставляли желать лучшего. Поэтому в этот период активизировалась деятельность различных международных благотворительных организаций, в первую очередь миссий Красного Креста. Например, в феврале 1917 г. Казанскую губернию посетил американец Горло-Александр Мак-Канногей. 16 февраля они посетили военнопленных офицеров в Тетюшах и Спасске³⁶. С марта по сентябрь 1917 г. в Казанской губернии побывали делегаты шведской миссии Красного Креста Майя Ветерлинг, граф Карл Фонде, граф Густав Гамильтон и полковник Аксель Генберг, представитель шведского генерального консульства в Москве, доктор Людвик Бакман, особый делегат комитета Красного Креста Тормейстр Бланш, профессор Львовского университета Станислав Грабовский, уполномоченные датского посольства в Петрограде – капитан Даннскиольд и доктор Эрнст-Виктор Рендторф, представитель датской миссии граф Самсе³⁷. Целью визитов была благотворительная помощь военнопленным. В ходе бесед они старались получить информацию о материальном положении пленных, осматривали условия их содержания. Представителей международных миссий не допускали на предприятия, «изготавливающие предметы государственной обороны».

Вскоре на фоне саботажа и бегства военнопленных активность некоторых благотворительных миссий была расценена как представляющая опасность для государственной безопасности. В июле 1917 г. появилось сообщение Главного управления генштаба о создании «германскими агентами» особой организации, которая собиралась переправлять в Германию через Финляндию германских военнопленных и интернированных граждан Германии для привлечения их к службе в рядах германской армии. По этой версии, организация, базирующаяся в Стокгольме, снабжала таких лиц подложными паспортами и помогала пресечь границу. В Казанской губернии сообщение об этом было распространено по различным инстанциям власти 25 июля 1917 г.³⁸ Уже через два дня, 27 июля, в канцелярию казанского губернского комиссара поступило распоряжение из штаба Казанского военного округа о немедленном прекращении допуска к посещению военнопленных всеми представителями Союза христианской молодежи, организованного в США. Никаких дополнительных разъяснений о причинах такого запрета в документе не было³⁹. Но, судя по всему, это решение было связано с предыдущим сообщением Генштаба о «германских агентах».

Тем временем в уездах военнопленные оказались в центре аграрных беспорядков. Частой практикой стало снятие пленных с сельскохозяйственных работ. Иногда, наоборот, крестьяне заставляли их работать на себя. Например, помещик А. П. Горталов из Чистопольского уезда 26 апреля 1917 г. направил жалобу на имя казанского губернского комиссара о том, что крестьяне деревень Александровка, Малый Красный Яр, Кутлушкино и Степная Шентала «заставили пахать на экономических лошадях, живущих в экономии пленных австрийцев, отнятую в пользу крестьян землю...»⁴⁰.

Военнопленные являлись дешевой рабочей силой, поэтому их услугами пользовались не только в богатых имениях, но и в крепких крестьянских хозяйствах. Особенно в тех семьях, где основные работники ушли на фронт⁴¹. Это вызывало раздражение у широких масс крестьянства, которые видели в военнопленных конкурентов на трудовом рынке. Тем более, многие из пленных солдат зарекомендовали себя как хороших работников⁴².

Безусловно, среди военнопленных были и те, кто, наоборот, отказывался работать. Весной 1917 г. были отмечены массовые случаи побега пленных из поместий⁴³. Особенно часто военнопленные оставляли работу в лесных хозяйствах Цивильского, Козьмодемьянского, Царевококшайского уездов⁴⁴. Циркуляром губернского комиссара от 25 мая 1917 г. за уклонение от сельскохозяйственных работ была разрешена отправка военнопленных на рудничные работы⁴⁵. Причиной бегства могло быть как ухудшение материального положения военнопленных, так и ослабление режима охраны, агрессия со стороны населения. Крестьяне, увлеченные идеями общественного владения землей, весной-осенью 1917 г. активно вырубали леса. Солдаты, охранявшие военнопленных, требовались для разгона аграрных беспорядков, при реализации мероприятий по реквизиции хлеба. Некоторые военнопленные старались воспользоваться этой ситуацией. Аналогичные случаи имели место и на промышленных предприятиях. Но, в отличие от аграриев, военнопленные, работавшие на промышленных объектах, предпочитали действовать отдельно⁴⁶.

Беглецов чаще всего задерживали вблизи железнодорожных линий. Например, в апреле 1917 г. на территории Казанской губернии были задержаны два военнопленных австрийца, переодетые в формы российских солдат. Они самовольно оставили работу в поместьях. После их допроса представители правоохранительных органов выяснили, что беглых военнопленных «должно собраться в Казани весьма много». Казанский губернский комиссар опасался, что есть между ними предварительный сговор и могут быть «какие-либо злонамеренные покушения, как на железнодорожные сообщения, так и на предприятия, работающие на государственную оборону и прочее». Сообщение об этом было распространено 21 мая 1917 г. начальникам милиции и председателям губернской и уездных земских управ⁴⁷.

Это опасение комиссара не получило никакого подтверждения. Однако после взрывов и пожара на Казанском пороховом заводе распространились слухи о специальных действиях неизвестных лиц, которыми могли быть и иностранные агенты. Поэтому подозрения вызвали, прежде всего, военнопленные. 15 августа 1917 г. в Казани было объявлено военное положение и военнопленным запретили «всякие отлучки в город». Их отпускали только на работу, но при этом за ними должны были постоянно следить. Милиционеров обязали задерживать всех военнопленных, замеченных в городе и «препровождать в распоряжение коменданта города»⁴⁸.

Впрочем, ограничения были связаны не только с подозрениями в шпионаже и вредительстве, но и с ухудшением продовольственной ситуации. Военнопленные из офицерского звания выделялись среди основной массы населения своим материальным достатком. Помимо помощи различных миссий, они получали жалованье. Эти средства передавались им через местных воинских начальников. В условиях постоянного дефицита продовольствия пленные офицеры делали

запасы продуктов. Поэтому их поведение стало вызывать раздражение у местного населения. В результате появились специальные распоряжения, по которым военнопленные могли посещать базар только в определенное время⁴⁹.

Октябрьские события не изменили положения военнопленных. Наоборот, некоторые группы оказались забытыми в этой ситуации. «Ноябрь 1917 года застал меня и моих товарищей в местечке Ядрин бывшей Казанской губернии. Вначале мы никак не могли понять, почему вдруг сбежали наши хозяева, почему чувашки стали ходить по улице с красными флагами и называть друг друга новыми словами “товарищи”, почему с фронта возвращаются воинские эшелоны?» – вспоминал бывший солдат австро-венгерской армии Притта. Через какое-то время к ним явился представитель советов («незнакомый человек с красной повязкой на рукаве») и объявил о переменах в стране⁵⁰. В период нестабильности еще больше участились побег. Бежали не только пленные солдаты, но и офицеры⁵¹.

В конце декабря 1917 г. в приказе по Казанскому военному округу были обнародованы правила, устанавливающие льготы для военнопленных славянского происхождения: более свободное содержание, большую свободу передвижения, разрешение объединений и т. д. На основании этих правил военнопленные всех национальностей через своих представителей начали добиваться большей свободы⁵².

Побег продолжались и в 1918 г. Обращает на себя внимание то, что среди беглецов особенно много было немцев, австрийцев и мадьяр⁵³. Судя по всему, особые правила по поводу содержания военнопленных-славян они восприняли как ущемление собственных прав и предпочли нарушение всех правовых норм.

Сами работодатели в этот период, на фоне разговоров о заключении мира, ожидали скорого освобождения военнопленных. В этот период закрывались предприятия, выполнявшие ранее военные заказы⁵⁴. В Казани и уездных городах военнопленные, в ожидании репатриации, терпели все тяготы революционного времени: недоедание, тяжелые жилищные условия, нехватку топлива и одежды. Описывая Свияжск летом 1918 г., атташе датской дипломатической миссии Хеннинг Кейлер отмечал большое количество бедствующих пленных солдат австро-венгерской армии, голодных и в лохмотьях⁵⁵. В условиях хаоса порой просто забывали о пленниках войны или закрывали глаза на их проблемы. В случае побега военнопленного властей интересовала не столько судьба человека, а его казенная одежда и обувь. Во время тотального дефицита это казалось большей утратой.

В безвременье, когда одни учреждения упразднялись, а другие только создавались, служащие различных иностранных организаций, а также самоорганизации (например, летом 1918 г. существовал Свияжский комитет помощи австрийским пленным) иногда выступали в качестве представителей власти, давали распоряжения о переводе больных военнопленных в госпитали (например, из уездов в Казань), а также выдавали «удостоверения» с правом на передвижение. В Казанской губернии в июле 1918 г. на этом были уличены представители датского консульства и шведской благотворительной миссии, а также Свияжского комитета помощи австрийским пленным. По этим «документам» пленные солдаты и офицеры, а также гражданские лица пытались выехать на родину⁵⁶. Многих из них задерживали. В Казани таких «дезертирующих военнопленных» собралось немалое количество. Часть из них была помещена в здание 15-го

городского начального училища на 3-й Поперечно-Большой улице⁵⁷. Для беглых военнопленных власти собирались освободить бывшие военные строения в той же Суконной слободе⁵⁸.

В мае 1918 г. была создана Казанская губернская коллегия о пленных и беженцах, в уездах начали работать ее филиалы. Эта организация до начала 1920-х гг. занималась возвращением пленных на родину. Впрочем, не все дождались репатриации, немало бывших солдат австро-венгерской армии приняли участие в Гражданской войне⁵⁹. Военнопленные, поддержавшие советскую власть и «пролетарское движение», могли претендовать на «красноармейский паек», остальные находились на положении арестованных⁶⁰.

Некоторые из этих бывших солдат Первой мировой войны оказались лишними у себя на родине. Их социалистические убеждения, сформированные в нелегальных кружках военнопленных интернационалистов, вызвали сильные подозрения, вплоть до ареста. Поэтому они возвращались обратно в страну Советов⁶¹. Кто-то из участников Гражданской войны остался в СССР. Например, преподавателем факультета физвоспитания и спорта Казанского государственного педагогического института долгие годы работал бывший военнопленный из Венгрии Юлий Адамович Вашш. Еще до начала войны он окончил педагогический институт и преподавал физкультуру и гигиену в гимназии Будапешта. В 1915 г. в 23-летнем возрасте он попал в Россию как военнопленный и прожил в этой стране оставшиеся пятьдесят два года своей жизни⁶². Но большинство бывших пленных не представляло жизни без родины. Очевидно, что жизнь в кругу родных людей была для них самой большой наградой после долгих скитаний на чужбине и испытаний военным пленом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. М.: Наука, 2005. – С. 629. *Mirovie voyni XX veka. V 4 kn. Kn. 1: Pervaya mirovaya vojna. Istoricheskiy ocherk* [The World Wars of the 20th century. In 4 Books. Book 1: The First World War. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 2005, p. 629.
2. Суржикова, Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 415. SURZHIKOVA, N. V. *Voenniy plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922)* [Military captivity in Russian provinces (1914–1922). In Russ.]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya publ., 2014, p. 415.
3. Там же. – С. 98, 412–415. Ibid., pp. 98, 412–415.
4. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ), ф. 30, оп. 3, д. 1147, л. 7. *Tsentrāl'niy gosudarstvenniy arhiv istoriko-politicheskoy dokumentatsii Respubliki Tatarstan* [Central State Archive of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan] (TsGA IPD RT), fond 30, series 3, file 1147, p. 7.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), ф. 1246, оп. 1, д. 82, л. 2. *Natsionalniy arhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan] (NA RT), fond 1246, series 1, file 82, p. 2.
6. Там же, ф. Р-1431, оп. 1, д. 12, л. 1–3. Ibid., fond P-1431, series 1, file 12, pp. 1–3.
7. Там же, ф. 94, оп. 2, д. 396, л. 1–33; ф. 482, оп. 1, д. 38, л. 41. Ibid., fond 94, series 2, file 396, p. 1–33; fond 482, series 1, file 38, p. 41.
8. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1147, л. 8. TsGA IPD RT, fond 30, series 3, file 1147, p. 8.

9. НА РТ, ф. 199, оп. 2, д. 1517, л. 56. NA RT, fond 199, series 2, file 1517, p. 56.
10. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1147, л. 7. TsGA IPD RT, fond 30, series 3, file 1147, p. 7.
11. НА РТ, ф. 1, оп. 4, д. 6063, л. 116, 127. NA RT, fond 1, series 4, file 6063, pp. 116, 127.
12. Там же, л. 147. Ibid., p. 147.
13. Там же, ф. 1246, оп. 1, д. 117, л. 1–16. Ibid., fond 1246, series 1, file 117, pp. 1–16.
14. Нуманов, Б. И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 гг. в Поволжье. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 2009. – С. 17. NIMANOV, B. I. *Osobennosti i osnovniye faktori sodержaniya i hozyaystvennoy deyatel'nosti voennoplennih v 1914–1917 gg. v Povolzh'ye. Avtoref. diss... kand. ist. nauk* [Peculiarities and main factors of the keeping and economic activities of prisoners of war in 1914–1917 ss. in the Volga region: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Moscow, 2009, p. 17.
15. НА РТ, ф. Р-1113, оп. 1, д. 2, л. 1–78. NA RT, fond P-1113, series 1, file 2, pp. 1–78.
16. Там же, л. 84, 86. Ibid., pp. 84, 86.
17. Уфимский вестник. – 1915. – 11 февраля. – № 32. Ufimskiy vestnik [The Ufa Herald. In Russ.]. 1915, 11 February, no. 32.
18. НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 82, л. 26. NA RT, fond 1246, series 1, file 82, p. 26.
19. Рокина, Г. В. Иностранные пленные Первой мировой войны в Мариинском крае // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – № 1. – С. 74–75. ROKINA, G. V. *Inostranniye plenniye Pervoy mirovoy voyni v Mariyskom krae* [Foreign prisoners of the World War I in the Mari region. In Russ.]. IN: *Gumanitarniye i yuridicheskiye issledovaniya* [Humanitarian and legal research. In Russ.]. 2015, no. 1, pp. 74–75.
20. НА РТ, ф. 199, оп. 2, д. 1517, л. 8. NA RT, fond 199, series 2, file 1517, p. 8.
21. Там же, ф. 1154, оп. 1, д. 335, л. 43. Ibid., fond 1154, series 1, file 335, p. 43.
22. Там же, ф. 1246, оп. 1, д. 167, л. 156–157. Ibid., fond 1246, series 1, file 167, pp. 156–157.
23. Комелина, Л. Н. Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам Музея истории города Йошкар-Олы) // Запад – Восток. – 2014. – № 7. – С. 133. KOMELINA, L. N. *Pervaya mirovaya voyna i gorod Tsarevokokshaysk (po materialam Muzeya istorii goroda Yoshkar-Oly)* [The First World War and Tsarevokokshaysk town (based on the materials of Yoshkar-Ola Museum of History). In Russ.]. IN: *Zapad – Vostok* [West – East]. 2014, no. 7, p. 133.
24. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1147, л. 12–13. TsGA IPD RT, fond 30, series 3, file 1147, pp. 12–13.
25. Зверев, С. Э. Военная риторика Нового времени. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 335. ZVEREV, S. E. *Voennaya ritorika Novogo vremeni* [Military rhetoric of modern times. In Russ.]. St. Petersburg, Aleteyia publ., 2012, p. 335.
26. НА РТ, ф. 1, оп. 4, д. 6650, л. 9–23. NA RT, fond 1, series 4, file 6650, pp. 9–23.
27. Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах. – Петроград: тип. И. Шурухт, 1914. – 16 с. *Ustav Vserossiyskogo popechitel'stva o plennih slavyanah* [The Charter of the All-Russian Guardianship of the Prisoner Slavs. In Russ.]. Petrograd, I. Shurukht publ., 1914, 16 p.
28. НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 82, л. 168. NA RT, fond 1246, series 1, file 82, p. 168.
29. Остроухов, А. И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 2011. – С. 24–25. OSTROUKHOV, A. I. *Voennoplenniye chehi i slovaki v Rossii perioda Pervoy mirovoy voyni. Avtoref. diss... kand. ist. nauk* [Czech and Slovak prisoners of war in Russia in the period of World War I: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Moscow, 2011, pp. 24–25.

30. Машиковцев, А. А. Католики Казанской и Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов. – Казань, 2014. – С. 431. MASHKOVTSSEV, A. A. *Katoliki Kazanskoy i Vyatskoy gubernii v godi Pervoy mirovoy voyni* [Catholics of Kazan and Vyatka provinces during the First World War. In Russ.]. IN: *Tatarskiy narod i narodi Povolzhya v godi Pervoy mirovoy voyny. Sbornik materialov* [Tatar people and nations of the Volga region during the First World War. Collection of materials. In Russ.]. Kazan, 2014, p. 431.
31. НА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 1121, л. 10. NA RT, fond 199, series 1, file 1121, p. 10.
32. Там же, ф. Р-571, оп. 1, д. 4, л. 8. Ibid., fond P-571, series 1, file 4, p. 8.
33. Там же, ф. 1246, оп. 1, д. 26, л. 188. Ibid., fond 1246, series 1, file 26, p. 188.
34. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1147, л. 11. TsGA IPD RT, fond 30, series 3, file 1147, p. 11.
35. Суржикова, Н. В. Указ. соч. – С. 183. SURZHIKOVA, N. V., 2014, p. 183.
36. НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 113, л. 1–1 об. NA RT, fond 1246, series 1, file 113, pp. 1–1 verso.
37. Там же, л. 3, 7, 9, 19, 32, 39, 58, 66, 67. Ibid., pp. 3, 7, 9, 19, 32, 39, 58, 66, 67.
38. Там же, ф. 1, оп. 6, д. 913, л. 171. Ibid., fond 1, series 6, file 913, p. 171.
39. Там же, ф. 1246, оп. 1, д. 113, л. 37. Ibid., fond 1246, series 1, file 113, p. 37.
40. Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль – октябрь 1917 г.). Сборник документов. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – С. 279. *Tatariya v bor'be za pobedu proletarskoy revolyutsii (fevral' – oktyabr' 1917 g.). Sbornik dokumentov* [Tataria in the struggle for the victory of the proletarian revolution (February – October, 1917.). Collection of documents. In Russ.]. Kazan, Tatknigoizdat publ., 1957, p. 279.
41. НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 55, л. 179–179 об. NA RT, fond 1246, series 1, file 55, pp. 179–179 verso.
42. Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой октябрьской социалистической революции. Сборник документов. – Казань: Татгосиздат, 1950. – Т. 1. – С. 193. *Krest'yanskoe dvizheniye v Kazanskoy gubernii nakanune Velikoy oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii. Sbornik dokumentov* [The peasant movement in Kazan province on the eve of the Great October Socialist Revolution. Collection of documents. In Russ.]. Kazan, Tatgosizdat publ., 1950, vol. 1, p. 193.
43. НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 283, л. 68, 76. NA RT, fond 1246, series 1, file 283, pp. 68, 76.
44. Там же, л. 68, 76, 102. Ibid., pp. 68, 76, 102.
45. Козлов, Ф. Н. Австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии // Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы конференции. – Чебоксары, 2015. – С. 106. KOZLOV, F. N. *Avstro-vengerskiye i germanskiye voennoplenniye v Chuvashii* [Austro-Hungarian and German prisoners of war in Chuvashia. In Russ.]. IN: *Pervaya mirovaya voyna v istorii narodov Povolzh'ya: materialy konferentsii* [The First World War in the history of the nations of the Volga Region: conference materials. In Russ.]. Cheboksary, 2015, p. 106.
46. НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 283, л. 63. NA RT, fond 1246, series 1, file 283, p. 63.
47. Там же, л. 125. Ibid., p. 125.
48. История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С. 369. *Istoriya Kazani v dokumentah i materialah. XX vek* [History of Kazan in documents and materials. 20th century. In Russ.]. Kazan, 2004, p. 369.
49. Козлов, Ф. Н. Указ. соч. – С. 102. KOZLOV, F. N., 2015, p. 102.
50. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 2281, л. 4. TsGA IPD RT, fond 30, series 3, file 2281, p. 4.
51. НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 8, л. 64. NA RT, fond 1246, series 1, file 8, p. 64.

52. Рокина, Г. В. Указ. соч. – С. 76. ROKINA, G. V., 2015, p. 76.
53. НА РТ, ф. 1246, оп. 1, д. 8, л. 14–17, 25, 26, 103, 157. NA RT, fond 1246, series 1, file 8, pp. 14–17, 25, 26, 103, 157.
54. Там же, ф. 1153, оп. 1, д. 509, л. 2–3, 6–8. Ibid., fond 1153, series 1, file 509, pp. 2–3, 6–8.
55. KENLER, H. The Red Garden. New York: Alfred A. Knopf, 1922, pp. 147–148.
56. НА РТ, ф. Р-638, оп. 1, д. 20, л. 30–32. NA RT, fond P-638, series 1, file 20, pp. 30–32.
57. Там же, д. 22, л. 39. Ibid., file 22, p. 39.
58. Там же, л. 7. Ibid., p. 7.
59. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 2281, л. 4. TsGA IPD RT, fond 30, series 3, file 2281, p. 4.
60. НА РТ, ф. Р-3009, оп. 1, д. 1, л. 51. NA RT, fond P-3009, series 1, file 1, p. 51.
61. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 1147, л. 22; д. 206, л. 3. TsGA IPD RT, fond 30, series 3, file 1147, p. 22; file 206, p. 3.
62. Там же, д. 694, л. 1. Ibid., file 694, p. 1.

Список литературы

- Зверев, С. Э. Военная риторика Нового времени. – СПб.: Алетея, 2012. – 400 с.
История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – 711 с.
- Козлов, Ф. Н. Австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии // Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы конференции. – Чебоксары, 2015. – С. 99–109.
- Комелина, Л. Н. Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам Музея истории города Йошкар-Олы) // Запад – Восток. – 2014. – № 7. – С. 126–135.
- Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой октябрьской социалистической революции. Сборник документов. – Казань: Татгосиздат, 1950. – Т. 1. – 242 с.
- Машковцев, А. А. Католики Казанской и Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов. – Казань, 2014. – С. 424–432.
- Ниманов, Б. И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 гг. в Поволжье. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 2009. – 24 с.
- Остроухов, А. И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 2011. – С. 24–25.
- Рокина, Г. В. Иностранные пленные Первой мировой войны в Марийском крае // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – № 1. – С. 72–77.
- Суржикова, Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 423 с.

References

- ZVEREV, S. E. *Voennaya ritorika Novogo vremeni* [Military rhetoric of modern times. In Russ.]. St. Petersburg, Aleteya publ., 2012, 400 p.
- Istoriya Kazani v dokumentah i materialah. XX vek* [History of Kazan in documents and materials. 20th century. In Russ.]. Kazan, 2004, 711 p.
- KOZLOV, F. N. *Avstro-vengerskiye i germanskiye voennoplennyye v Chuvashii* [Austro-Hungarian and German prisoners of war in Chuvashia. In Russ.]. IN: *Pervaya mirovaya voyna v istorii narodov Povolzh'ya: materialy konferentsii* [The First World War in the history of the nations of the Volga Region: conference materials. In Russ.]. Cheboksary, 2015, pp. 99–109.

KOMELINA, L. N. *Pervaya mirovaya vojna i gorod Tsarevokokshaysk (po materialam Muzeya istorii goroda Yoshkar-Oly)* [The First World War and Tsarevokokshaysk town (based on the materials of Yoshkar-Ola Museum of History). In Russ.]. IN: *Zapad – Vostok* [West – East]. 2014, no. 7, pp. 126–135.

Krest'yanskoye dvizheniye v Kazanskoy gubernii nakanune Velikoy oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii. Sbornik dokumentov [The peasant movement in Kazan province on the eve of the Great October Socialist Revolution. Collection of documents. In Russ.]. Kazan, Tatgosizdat publ., 1950, vol. 1, 242 p.

MASHKOVTSSEV, A. A. *Katoliki Kazanskoy i Vyatskoy gubernii v godi Pervoy mirovoy voyny* [Catholics of Kazan and Vyatka provinces during the First World War. In Russ.]. IN: *Tatarskiy narod i narodi Povolzh'ya v godi Pervoy mirovoy voyni. Sbornik materialov* [Tatar people and nations of the Volga region during the First World War. Collection of materials. In Russ.]. Kazan, 2014, pp. 424–432.

NIMANOV, B. I. *Osobennosti i osnovniye faktori sodержaniya i hozyaystvennoy deyatel'nosti voennoplennikh v 1914–1917 gg. v Povolzh'ye. Avtoref. diss... kand. ist. nauk.* [Peculiarities and main factors of the keeping and economic activities of prisoners of war in 1914–1917 ss. in the Volga region: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Moscow, 2009, 24 p.

OSTROUKHOV, A. I. *Voennoplenniy chehi i slovaki v Rossii perioda Pervoy mirovoy voyni. Avtoref. diss... kand. ist. nauk.* [Czech and Slovak prisoners of war in Russia in the period of World War I. Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Moscow, 2011, pp. 24–25.

ROKINA, G. V. *Inostranniy plen Pervoy mirovoy voyni v Mariyskom kraye* [Foreign prisoners of the World War I in Mari region. In Russ.]. IN: *Gumanitarniy i yuridicheskiy issledovaniya* [Humanitarian and legal research. In Russ.]. 2015, no. 1, pp. 72–77.

SURZHIKOVA, N. V. *Voenniy plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922)* [Military captivity in Russian provinces (1914–1922). In Russ.]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya publ., 2014, 423 p.

KENLER, H. *The Red Garden*. New York: Alfred A. Knopf, 1922, 204 p.

Сведения об авторе

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, bahetem@mail.ru

About the author

Liliya R. Gabdrifkova, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of Sh. Mardzhani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, the Republic of Tatarstan, the Russian Federation, bahetem@mail.ru

В редакцию статья поступила 10.12.2016 г., опубликована:

Габдрафикова, Л. Р. «Мы никак не могли понять, почему вдруг сбежали наши хозяева...» (военнопленные на территории Казанской губернии в 1914–1918 гг.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2017. – № 1/2. – С. 18–31.

Submitted on 10.12.2016, published:

GABDRAFIKOVA, L. R. “*Ми никак не могли понять, почему вдруг сбежали наши хозяева...*” (voennoplenniy na territorii Kazanskoy gubernii v 1914–1918 gg.) [“*We could not understand why our masters had suddenly escaped...*” (prisoners of war in the territory of Kazan province in 1914–1918). In Russ.]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2017, no. 1/2, pp. 18–31.